

тематически подготавливаемых кадров, состоящей на службе у государства или предпринимателя. С другой стороны, с чем сравнивается существующее положение вещей и корректно ли само сравнение? В чем проявляется «профессионализация» умственного труда и насколько нов этот тревожащий многих феномен?

Начать с того, что сравнение, на основе которого сделан вывод о метаморфозе интеллигенции, нельзя считать приемлемым. Говоря о перерождении интеллигентов в «профессионалов», современную интеллигенцию в целом сравнивают лишь с *верхним слоем* деятелей искусства и науки прошлого. Притом примеры для сравнения, как правило, находят в 18-19 вв., необоснованно генерализируя особенности нескольких относительно коротких исторических этапов и преподнося положение верхнего слоя умственных работников того времени в качестве эталона.

Итак, прежде всего следует расширить поле для анализа нашей проблемы. Оно должно охватывать не только европейскую интеллигенцию 18-19 вв., но и древнеегипетских писцов, китайских ученых чиновников, средневековое духовенство и т.д. Данные примеры показывают, что подчиненное регламенту профессиональное «функционирование» современной интеллигенции не может односторонне расцениваться как невиданное явление и тем более как несомненная деградация. В поле анализа также должны оказаться средние и низшие слои интеллигенции различных эпох, а не одна лишь элита. Именно многочисленные представители этих «забытых» слоев в первую очередь исполняли и исполняют скромные профессиональные функции, разрушающие образ интеллигенции как творчески-элитарной силы.

Не вчера приступив к обыденной профессиональной деятельности, интеллигенция уже давно познакомилась со всеми «отрицательными» моментами, свойственными положению профессионалов. Безымянность, четкое «исполнение обязанностей» ради материального вознаграждения, рутинность – все эти теневые стороны профессионализма можно найти в жизни интеллигента любой эпохи, если не ограничиваться фигурами первой величины. (Впрочем, в скобках замечу, что свою дань профессионализму, или, если угодно, ремесленничеству, отдали и великие. Тарковский четко выразил это, «заставив» Даниила Черного в разговоре с мятущимся Андреем Рублевым наставительно высказывать точку зрения именно добросовестно-ремесленническую.)

Причина тревоги в ином. Прежде интеллигенция (включая большую часть ее рядовых представителей) в том или ином качестве входила в состав правящих слоев. Но за прошедшие сто с лишним лет она в большинстве своем стала *только* профессиональной служебной категорией. Едва успев обрести свой голос в эпоху Просвещения и «Энциклопедии», новая (светская) европейская интеллигенция обнаружила себя в подчинении у народившейся буржуазии. В секуляризованном обществе не обладая тем авторитетом, которым обладало средневековое духовенство, не владея средствами производства, права на которые духовенству обеспечивал все тот же религиозный авторитет, наконец, по мере распространения образованности теряя даже монополию на знание, новая интеллигенция неминуемо оказалась в положении всего лишь наиболее подготовленного помощника правящей верхушки. Контраст между этим новым положением и живущим в «генетической памяти» автообразом интеллигенции как элиты – вот причина переживаний по поводу естественной, в сущности, профессионализации умственной деятельности.

СОВРЕМЕННЫЙ УЧЕНЫЙ: ФАУСТ, ФУНКЦИОНЕР, ИНТЕЛЛИГЕНТ?

Савостьянова М.В.

г. Симферополь. Украина

Сегодня многие считают, что тема интеллигенции умерла и больше не воскреснет. И у них для этого есть все «основания». Эти «основания» - реалии глобализирующегося мира, идеалы общества потребления, интересы мирового рынка, а точнее, лидирующих в политическом и экономическом отношении супердержав и определенных социальных групп.

В мире сложилась ситуация, когда разрушаются политические, экономические, культурные, информационные границы. Размываются или совсем исчезают понятия долга, служения своему народу, ответственности перед Отечеством и грядущими поколениями. Работать, прежде всего, на себя, там, где лучше платят, а не там, где твоя Родина и твой народ, стало абсолютно естественно и почти единственно нормально. Напротив, часто смешон бывает тот, кто пытается утверждать обратное.

И еще одна неоспоримая реальность нашего мира: решающее стратегическое значение для страны имеет сегодня уровень развития науки, информационных технологий и информационной инфраструктуры. Поэтому ученый становится ключевой фигурой общественного развития. Иногда он задает направление движения общества (посредством сделанных открытий или предложенных идей), но чаще – только обеспечивает движение в направлении, заданном далеко не наукой, а влиятельными экономическими и политическими кругами. И вот здесь становится вопрос об ответственности ученого. Но не только перед человечеством (это важно, но сейчас речь не об этом), а перед своим народом, перед своей культурой, перед будущим своих детей на своей земле. Потому что сегодня, как ни странно, перед человечеством отвечать гораздо легче, и это требует меньше «издержек», в том числе материальных, статусных и т.д., чем перед своим Отечеством. Отечеству ведь надо служить. А перед человечеством можно только отвечать. Это разные вещи. Первое требует самоотдачи, жертвы, а второе – только не нарушения принципа «не навреди».

Однако без служения своему Отечеству, своему народу, своему делу нет интеллигента. А ученый – есть! И в этом кроется огромная опасность, учитывая то, что сегодня наука превратилась не только в ос-

новное «средство производства», но и в силу, реально меняющую мир природы, социальную действительность, сознание и души людей.

Интеллигент – это не просто образованный человек, и даже не просто ученый, а образованный человек или ученый, обладающий определенными морально-нравственными установками, понимающий, что его социальный статус – это, прежде всего, мера ответственности, которую он на себя взял. Чем выше статус, тем выше ответственность. Если же этого нет, то ученый может быть только кем-то из двух:

- либо просто функционером, великолепно подготовленным и природой-матушкой щедро одаренным, но наукой занимающимся по причине многих выгод лично для себя;
- либо «Фаустом», которого интересует только «сам процесс» и возможность его осуществлять. (Как иллюстрация - знаменитый ответ Ферми своему ассистенту, мучимому мыслью, что они создают мощнейшее смертоносное чудовище: «Не думай об этом. В конце концов, мы просто занимаемся красивой физикой»).

Возникает большой соблазн думать, что не бывает «чистых» типов, что чаще всего встречаются «переходные» варианты. Но представляется, что это не так, если брать за основание классификации служение, долг, патриотизм. Конечно, мы не настаиваем на однозначности выбранного основания и не объявляем всех, кто не попал в группу «интеллигентов» недостойными людьми или аморальными типами. Люди всякие нужны, люди всякие важны. Однако тенденция исчезновения интеллигенции и из науки вызывает не только ностальгию по великой Родине и хорошей идее, которая рождает нацию, но и вполне рациональное беспокойство за собственное будущее и будущее своих детей, у которых, скорее всего, другой Родины не будет.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗРЕШЕНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Телиженко Л.В.

г. Сумы. Украина

Существует точка зрения, согласно которой одной из причин современного антропологического кризиса стал кризис интеллигенции как «специфической социальной группы», которая в любом цивилизованном обществе является источником генерирования новых смыслов (А.С. Ахиезер). Поэтому и выход из кризисной ситуации находится «в руках» той же интеллигенции. Однако сегодня ситуация на самом деле такова, что роль интеллигенции не может быть осмыслена без понимания сущности ее особого «нестатусного» места в обществе, связанного с тем, что интеллигенцию образуют выходцы из разных социальных слоев и групп. В соответствии с этой мыслью *гипотеза автора тезисов* состоит в том, что интеллигенция репрезентирует не те или иные социальные группы маркузевских одномерных людей и даже не всю их совокупность, - она наиболее близка к *выражению сущности человеческого в человеке*. Более того, автор утверждает, что интеллигенция является не изгоем социальной структуры общества, не маргинальным анклавом в теле данной структуры, *а выполняет прямо противоположную функцию - является ее порождающей основой, субстанцией*. Вследствие этого проблема понимания сущности интеллигенции фактически смыкается с проблемой понимания сущности человека вообще.

Обе проблемы могут быть решены с позиций современной постнеклассической рациональности, которая формирует новое мировоззрение и методологически обосновывает понимание сущности человека как онтико-онтологической целостности. Так, с позиций метафизики тотальности человек как индивид, как онтическая самость одновременно является частью более широких оснований, «выполняющих по отношению к нему и другим проявлениям этих оснований онтологическую, субстанциальную функцию» (В.В. Кизима). Но поскольку бытие есть онтологическая субстанция, а человек – одна из форм ее проявления, которая всегда в ней присутствует, то человек оказывается единым со всеми другими формами проявления бытия, со всем сущим. Следовательно, причинно действуя во всех средах своего онтического пребывания, он метапричинно воздействует на субстанциальные основания самих этих сред как на общее условие любой онтики, на все бытие как свой дом, испытывая при этом на себе его обратное кондициональное воздействие.

Такое понимание дуальной онтико-онтологической сущности человека, пребывающего внутри мира, открывает и новый взгляд на понимание роли интеллигенции как истока человечности, как передовой части общества, которая призвана глубоко осознавать, чувствовать, внутренне переживать эту глобальную связь себя со всем и действовать в любых социальных и исторических ситуациях без разрушения гармонии всеединства человека, общества, природы, направляя усилия всего человечества на ее сохранение.

В таком смысле истинными интеллигентами исторически оказывались только адекватные в своей *человекомирной* и *человекомерной* сущности люди, жизнь которых всегда оказывалась в определенной мере мистической и трагической одновременно. Мистической – в понимании онтологической связи времен и умения сознательно творить и действовать вне времени, трагической – в своей одинокой онтической ситуации, подобной юнговскому человеку, стоящему на самом краю мира. Поэтому быть истинным в единстве онтического и онтологического сегодня оказывается требованием не только к современной интеллигенции, призванной нести мудрость целого в мир, а и ко всему обществу, пребывающему на путях наращивания глобального кризиса человечества.

Но, как показывает действительность, настоящие интеллигенты так же редки, как и раньше, а потеря смыслов, самоидентификации человека по-прежнему остаются едва ли не самым стабильным признаком современного общества, члены которого в подавляющем большинстве обладают или стремятся обладать ис-